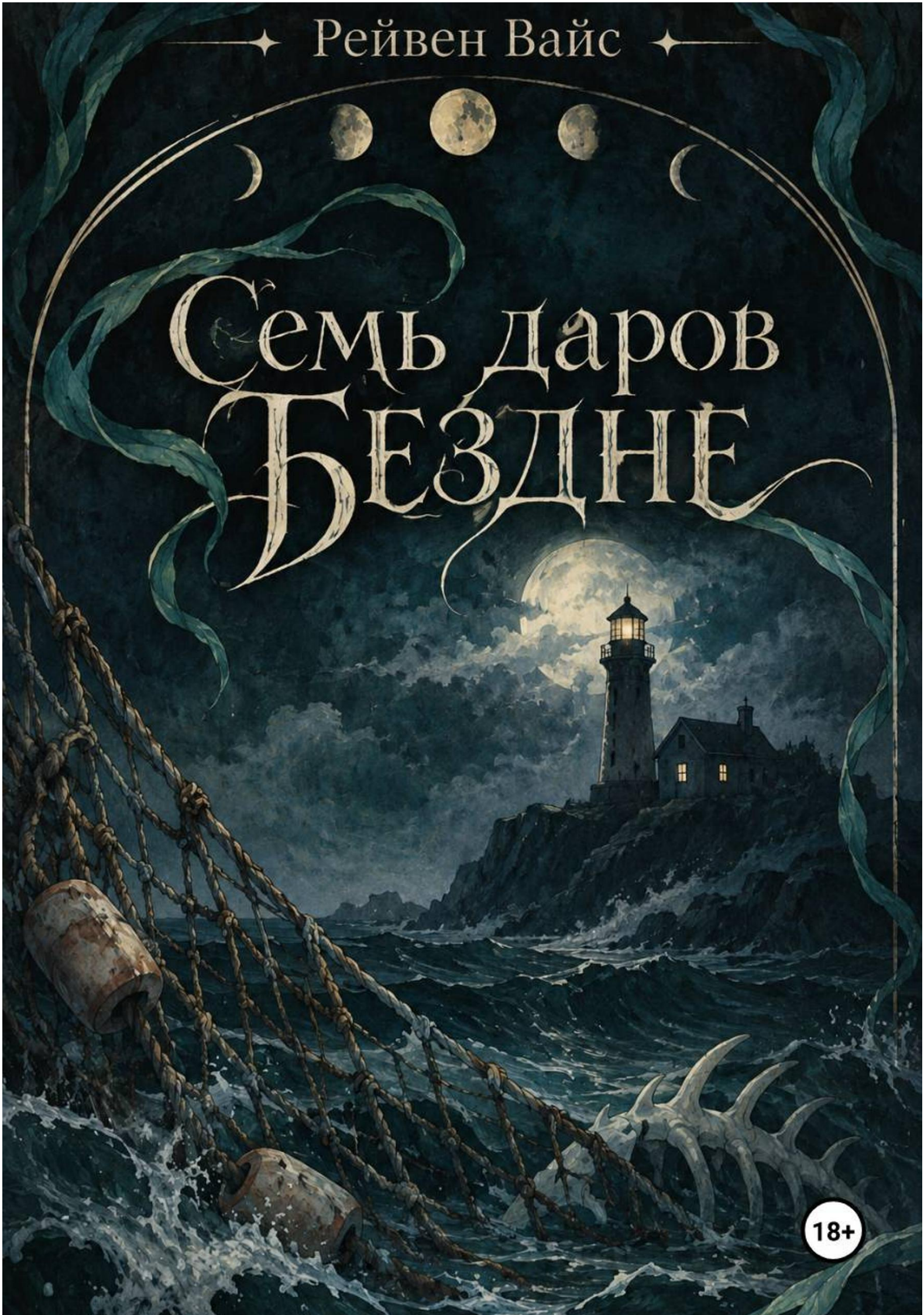
Рейвен Вайс

Семь даров Бездне

18+

Рейвен Вайс

Семь даров Бездне

«Автор»
2026

Вайс Р.

Семь даров Бездне / Р. Вайс — «Автор», 2026

Сборник рассказов, связанных общей нитью.Семь историй о любви, предательстве, крови, безумии и голоде, который никогда не будет утолен.

© Вайс Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Длань глубин 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Рейвен Вайс
Семь даров Бездне

Длань глубин

Пламя в фонаре маяка «Путеводный Ангел» выло, как загнанный зверь. Оно билось о стекло и металлическую решетку, рвало ночную тьму над Клыкастым Заливом — не светом даже, а будто бы упрямством. Башня, сложенная из черного базальта, отполированного веками ветром и солью, стояла на краю земли, как надгробие — своеобразное предупреждение для людей, решивших связать свою жизнь с бескрайним морем.

В ее стенах толщиной в три шага жило эхо крушений: последний визг канатов с барка «Белый призрак», разбившегося о риф сорок зим назад; хриплый хохот шхуны «Веселая дева», уходящей под воду вместе с теми, кто до последнего верил в удачу; плач женщин, чьи глаза так и не дождались парусов на горизонте. Маяк помнил все — и молчал.

Элиас Керриган, смотритель с морщинами, выеденными соленым ветром и двадцатью годами службы, был частью этого молчания. Он знал ритм огня, как знаешь ритм собственной крови. Знал, как скрипит система шестеренок в мороз, как поет стекло, когда шторм бьет волной в основание башни, будто проверяет: стоит ли ломать сейчас или дать дорасти трещине.

Его предшественник, старый Барнум, как-то сказал, поглаживая шрам на перилах — след штормового града:

— Море не любит свидетелей. Оно либо забирает тебя, либо делает своим.

Элиас тогда усмехнулся. Теперь улыбаться не получалась.

Внизу, в каменном чреве башни, спал его мир, когда-то бывший всем: Мира, жена с угасшим в рутине огоньком, чьи руки пахли теперь не жасмином, а хлебом и вяленой рыбой; смышленая Элси с волосами цвета воронова крыла и глазами, в которых искрился неугомонный ум; крепкий, начинающий мужать Орен, чья сила и прямота все чаще напоминали Элиасу его самого, но того, давнего, который еще верил в простые истины.

Элиас смотрел на них днем и думал: они — его личный берег. Теплый, знакомый, надежный. И все равно каждый вечер в нем поднималось нечто… Иное. То, что заставляло его отдаляться все дальше и дальше от берега. Не тоска рыбака по воде, не привычка моряка к соли. Болезненная, щемящая потребность даже не человека, потому что люди подобное вряд ли чувствуют… Существа, которое вдруг обнаружило: его настоящая родина не там, где воздух и огонь, а там, где давит и темнеет. Где-то там, за горизонтом, под толщей черной воды.

Это началось не вчера. Годами он выходил под звезды и чувствовал, как что-то отвечает ему из темноты — низким гулом в костях, шепотом в раковине уха. Иногда это был просто ветер. Иногда — нет. Море звало, и с каждым годом зов становился неотличим от биения собственного сердца.

Все началось в ночь, когда шторм выдохся, оставив после себя звенящую, мертвую тишину. Лунный серп, пробившийся сквозь рваные тучи, выгравировал мир серебром и тушью. Вода в заливе была зеркальной — обманчиво гладкой, слишком спокойной для этой береговой полосы. И тогда из окна Элиас увидел силуэт. Не на камнях — на глади. Будто отражение, оторвавшееся от того, кто должен был его отбрасывать. Девушка? Но очертания плыли, перетекали одно в другое, слишком плавные, лишенные костной жесткости. Сердце Элиаса глухо застучало о ребра, но не от страха, а как от предчувствия встречи, которой суждено было случиться. Он спустился по скрипучим ступеням, прошел сквозь спящий дом, вышел на улицу.

На берегу пахло мокрым железом и водорослями. Он приблизился — и замер.

То, что он принял за кожу, было мириадами мельчайших чешуек, каждая размером с булавочную головку. Они переливались не просто перламутром, а глубоким, инопланетным сиянием — фиолетовым, изумрудным, кроваво-красным, в зависимости от того, как падал на них лунный свет. Длинные черные волосы не просто спутались с тиной — они были живым продолжением водорослей, среди которых шевелились крошечные светящиеся полипы.

И глаза…

Без век. Огромные. Влажные. Абсолютно черные.

Это были не глаза, а окна. Окна в ночное море в беззвездную полночь, туда, где давление сминает сталь, а жизнь принимает формы кошмара. В этих окнах не было ни человеческой мысли, ни человеческой души. Только древнее любопытство и ровное, терпеливое чувство собственности. Не злость. Не жестокость. То, что хуже: равнодушие стихии.

Русалка.

Морская дева.

Она метнулась, как тень от проплывающей тучи, скользнув в воду без единого звука. Лишь ее хвост — могучий, чешуйчатый плавник, усеянный рядами острых, костяных шипов — блеснул на миг в лунной дорожке, и Элиасу показалось, что он увидел на нем бледные, как у мертвеца, пятна, похожие на лица.

Море сомкнулось. И все изменилось.

Семя, черное и соленое, было брошено в трещину его души.

На следующую ночь он пришел не с пустыми руками. С куском жирной сельди. Потом — с блестящим морским стеклышком, обточенным в идеальный овал. Потом — с коралловой веточкой, хрупкой и похожей на миниатюрное окаменелое дерево. Он шептал в темноту, звал, обещал что-то, сам не зная что. И она возвращалась. Сначала робко, далеко — лишь два черных диска-глаза мерцали в воде в такт волнам ему в ответ. Потом ближе, позволяя разглядеть детали, от которых стыла кровь: тонкие, как паутина, перепонки между длинными пальцами, заканчивающимися не ногтями, а прозрачными, острыми коготками; жабры, трепещущие на шее под чешуей — шесть узких щелей, которые приоткрывались, издавая тихое, свистящее «сссс…».

Ее звали Морвен.

Имя пришло не звуком, а ощущением в его сознании, шелестом воды, омывающей камни. Как боль в ушах при резком погружении. Голос, когда она наконец заговорила, был похож на зов утопленниц и шелест водорослей, обвивающих ребра затонувшего корабля.

Элиас тонул. Медленно, неотвратимо. С каждым визитом на берег его душа все больше наполнялась соленой, холодной страстью, которую источала Морвен. Она рассказывала ему о мире без солнца. О городах из кораллов и костей, где тени двигаются в вечных сумерках. О песнях, которые поют киты над бездной Марианской впадины, легендах о времени, когда суша считалась мифом. Она говорила обрывками, на языке метафор и образов, но для Элиаса это была единственная правда.

Дом, такой родной и любимый ранее, становился тюрьмой. Мира превратилась в тень, а ее прикосновения — в назойливое жужжание мухи на оконном стекле. Ее тепло раздражало, пахло тленом и слабостью. Однажды ночью она обняла его во сне, и он, сквозь дрему, резко отстранился, потому что ее плоть казалась ему сухой, горячей, почти обугленной по сравнению с прохладной, скользящей чешуей Морвен. Он услышал, как она тихо вздохнула в темноте, и не смог заставить себя повернуться. Детские голоса, смех — все это превратилось в раздражающий, бессмысленный шум прибоя, который он жаждал заглушить вечным, беззвучным погружением.

Элиас начал купаться с Морвен. Ледяная вода резала кожу, но вместе с болью приходило облегчение — как если бы он наконец смывал с себя слой чуждой жизни. Тысячи чешуек Морвен скользили по его коже, оставляя на ней невидимые, но чувствительные отметины—

будто метки собственности. Ее сильные, гибкие руки тянули его вглубь, где свет гаснет, а давление обнимает, как свинцовый саван. Ему казалось: там, внизу, ничего не надо доказывать. Там не нужно быть мужем. Отцом. Человеком. Там можно просто быть.

Любовь к морской деве стала одержимостью, болезнью, выжигающей из него человеческое, клетка за клеткой. Он ел сырую рыбу, пил соленую воду, и его сны стали монохромными, сине-черными, полными немого движения в темноте. Иногда он просыпался с ощущением, что в горле у него жабры. Он пытался сглотнуть и слышал тихое «сссс…» — и не понимал, это воздух в пересохшем горле или что-то другое.

Однажды, под пьянящий шепот прибоя и гипнотический взгляд черных, всепонимающих глаз, безумие достигло пика. Элиас достал свой крепкий, верный нож, которым чинил сети и резал хлеб. Острое лезвие блеснуло в лунном свете, и этот блеск был последним отблеском его разума. Он прижал лезвие к ладони. На миг, короткий, как вспышка молнии, перед ним встали образы: Мира, зажигающая свечу на праздничном пироге; Орен, смеющийся, со свеж пойманной огромной рыбиной на кукане; Элси, обнимающая его колени, будто боясь, что папа исчезнет. Но взгляд Морвен, полный обещания вечности, вечности в прохладных глубинах, смел эти картинки, как волна смывает рисунки на песке. Он провел ножом. Плоть расступилась, и темная, почти черная в этом свете кровь хлынула, горячая и живая, смешиваясь с соленой водой, окрашивая пену у ног Морвен в ржавый цвет.

— Навеки, — выдохнул он, обезумев от боли и восторга. — Кровь моя — твоя. Любовь моя к тебе вечна.

Морвен прильнула к воде, ее тонкие ноздри дрогнули. Она не пила. Она втягивала алую струйку, как вдыхают аромат редкого вина. Ее черные глаза сузились, и в их глубине вспыхнул огонек — не любви, а того самого древнего, ненасытного голода. Она засмеялась, и это был звук, похожий на скрежет камней, перетираемых в водовороте, на хруст ломающихся ребер.

— Мало… — прошипела она, облизывая перепончатые пальцы. — Хочу большего, Элиас. Куда большего.

И тогда дни превратились в мучительный кошмар наяву.

Элиас метался по башне, ломая голову. Чем ублажить ненасытную возлюбленную? Морвен молчала, лишь смотрела своими бездонными глазами, играя с ним, как изощренная кошка с обреченной мышью. Он принес ей свою заветную вещь — бронзовый компас отца. Она взяла его, покрутила и бросила в воду с равнодушным жестом. Он вытащил из семейного сундука золотую монету, подаренную дедом. Блеск на миг заинтересовал ее, но она лишь прошептала: «Холодный блеск. Мертвый блеск. Ты знаешь, что я хочу теплое. Живое». Тогда он в отчаянии поймал чайку, принес ее, трепещущую, к воде. Морвен с любопытством наблюдала, как птица бьется, потом резким движением выхватила ее из его рук. Раздался хруст, короткий визг. Она выплюнула перья и кости. «Птица. Воздух. Не то», — прозвучало помехами в его голове.

Она хотела чего-то, что принадлежало его миру. По-настоящему.

Элиас уже знал ответ, но отказывался произнести его даже самому себе.

И тогда однажды ночью на берег вышла Элси. Девочка не спала. Отец, пропадающий в ночи, его запах — соленый, чужой, дикий; пустая кровать матери, полная тихого горя; тревога, необъяснимая, как предчувствие бури, — все это привело ее сюда. Лунный свет упал на ее детское личико, на черные, блестящие волосы, так похожие на волосы самой Морвен, но живые, теплые, пахнущие дегтярным мылом и детством.

Морвен всплыла бесшумно, и в глазах ее вспыхнула не просто жадность. Вспыхнуло узнавание. Жажда зеркала. Жажда поглотить и присвоить эту малую, хрупкую версию жизни, которую она ненавидела и которой желала обладать. Она схватила Элиаса за руку. Ее пальцы, холодные и цепкие, как щупальца, впились в его плоть до боли.

— Хочу дочь… — прошелестел ее голос прямо в его мозг, минуя уши. — Хочу ее. Дай мне утопить ее, Элиас. Дай мне увести ее в глубину. Она станет моей. Станет частью меня. Такая же красивая. Такая же вечная.

Ужас ледяной волной накатил на Элиаса. Отец в нем взревел от боли. Но это был слабый, заглушенный звук, доносящийся из-под толщи воды. Взгляд Морвен был сильнее. В нем мерцало не просто обещание — в нем была уверенность. Вечность. Страсть, ради которой стоило сжечь все миры. Ради этого... ради этого можно было все. Даже это. Его сердце, уже превратившееся в кусок холодного базальта, скрипнуло в груди, дало трещину, и сквозь нее хлынула тьма.

— Бери... — выдавил он, отвернувшись к черной стене маяка. Он зажмурился, впиваясь ногтями в собственные ладони.

Элиас не видел, как Морвен, стремительная и безжалостная, как торпеда, вынырнула на мелководье. Не видел, как Элси сначала улыбнулась, приняв ее за диковинную тетю, а потом застыла, разглядев получше. Как ее губы дрогнули, пытаясь выкрикнуть «папа…». Он лишь слышал: короткий, всхлипывающий вдох, шлепок по воде, приглушенный булькающий звук — не крик, а именно звук борьбы с водой, — а потом… тишину. Тишину такую оглушительную, что в ушах зазвенело.

Горечь, подступившую к горлу, он заглушил крепким, выжигающим ромом из фляги. Ром горел, как его совесть, которую он теперь ощущал лишь как пустую, обугленную раковину где-то внутри.

Морвен вернулась сияющей. Ее чешуя переливалась всеми цветами торжества. Ее любовь в ту ночь была бурной, ледяной, захлестывающей. Элиас тонул в ней, в ее холодных объятиях, пытаясь утонуть и в забытьи, чтобы не слышать эхо того детского, булькающего звука.

Морвен была счастлива.

Он приносил ей лучшие куски своей жизни, смотрел, как она играет с его подарками — с гребнем Элси, с ее маленькой, вышитой тряпичной куклой. Морвен носила эти вещи в волосах, как трофеи.

Месяц они были счастливы.

Пока на берег не вышел Орен.

Он искал сестру уже несколько недель. В деревне шептались. Он видел странные перемены в отце, его ночные уходы. В его душе зрела твердая, тяжелая, как якорь, уверенность, что отец знает правду. Его крепкая фигура, полная нерастраченной юношеской силы и яростной решимости, встала под луной, заслонив собой свет. И тогда в глазах Морвен снова вспыхнул огонь. Но на этот раз другой. Не жажда зеркала, а жажда игры. Жажда сломать эту силу, эту гордую, человеческую стойкость. Желание проверить, насколько долго человек может оставаться человеком, когда у него отбирают воздух.

— Хочу его… — простонала она, прижимаясь к Элиасу, и в ее голосе была сладостная, игривая нота. — Сильного. Живого. Дай мне поиграть с ним, Элиас. До самого конца.

Боль ударила в грудь, как нож. Но дорога была уже протоптана. Он прошел по ней однажды. Дорога в ад вымощена не благими намерениями, а привычкой. Он кивнул, не глядя на сына, на его упрямый, честный подбородок, на глаза, в которых читался немой вопрос и уже зарождающееся обвинение. На этот раз он не отвернулся. Он достал флягу и пил, пил горький ром, пока мир не поплыл, не распался на лоскуты. Он наблюдал. Он видел, как Морвен, скользкая, как угорь, приблизилась к Орену. Слышал его возглас — не страха, а гнева: «Прочь, тварь!». Видел, как Орен, сильный, как молодой бык, отбросил ее ударом. Но она вернулась и взяла его не силой, а скоростью. Ее руки обвили его, как плети. Ее гипнотический взгляд приковал его, заставил замереть на секунду — роковую секунду. Элиас слышал смех Морвен — странный, булькающий, полный веселья. Видел, как они, слившись в один клубящийся силуэт, скрылись в черной воде. Видел, как вода на том месте бурлила и пенилась долго-долго, как

будто там бился на смерть кит… Пена в ту ночь была белой, как кости. Пока наконец все не утихло. Он пил, пока сознание не отключилось, а наутро нашел на камнях только сбитые, истерзанные водоросли и обрывок шнурка от ботинка Орена.

Потери не было. Так говорило ему его новое, морское сердце. Была лишь плата. Единственная валюта, которую принимала бездна. Морвен ликовала. Ее страсть к Элиасу стала еще пылче, еще ледянее. Он был ее героем, ее щедрым дарителем. Они были едины. Он спал днем у самой воды, а ночью они плавали вместе, и она показывала ему места, где лежали на дне корабли, превратившиеся в рифы, и он почти не нуждался в воздухе.

Иногда ему казалось: маяк наверху — уже не его. Огонь — не его. Все человеческое — не его.

Только Морвен. Морвен — его. А он — ее.

Единство разрушилось в ту ночь, когда на берег вышла Мира.

Потеря детей иссушила не только ее душу, но и тело. Она стала похожа на призрак, на высохшую водоросль, выброшенную штормом. Глаза были пусты, как раковины, из которых давно вынули моллюска, но в глубине этих пустот горел последний, безумный огонь прозрения. Она не спала. Она следила. И увидела. Увидела их в лунную ночь: мужа, обнимающего в прибрежных камнях чешуйчатое, переливающееся чудовище. Увидела, как это чудовище повернуло к ней свою безликую голову, и в этих черных глазах она прочитала все.

— Чудовище! — хрипло выкрикнула она, и голос ее был похож на скрип ржавых ворот в крематории. — Ты… Ты отдал им… Элси… Орена… Ты…

Элиас не стал ждать. Не стал ждать, пока Морвен шепнет ему о новом желании. В ее черных, отражающих луну глазах он уже увидел знакомую жадность, обращенную на его Миру. Но на этот раз это была жадность к завершению. К очищению. К тому, чтобы стереть последнее напоминание о другом мире. Он должен был сделать этот подарок. Сам. Последний и самый главный. Чтобы доказать свою преданность. Чтобы заслужить ее любовь навеки. Чтобы самому окончательно перейти черту, после которой обратного пути не будет даже в мыслях.

С ревом, в котором сплелись в один клубок отчаяние, ярость на самого себя и абсолютное, освобождающее безумие, он бросился на жену. Его сильные, привыкшие к канатам и непокорному морю руки впились в ее некогда любимые, теперь тусклые и редкие волосы. Мира не сопротивлялась. В ее взгляде не было страха — только усталость и понимание. Как будто она всегда знала, что море заберет его. Только не думала, что он заберет с собой всех.

Она вскрикнула — коротко, обреченно, как та чайка, чью голову откусила и выплюнула Морвен. Элиас потащил ее, спотыкаясь о камни, к черной, ждущей воде. Морвен наблюдала с мелководья, застыв, как изваяние, лишь огромные черные глаза горели холодным азартом зрителя на кровавом спектакле.

— Нет! Элиас! Прошу! Ради всего святого! — захлебываясь ледяной соленой водой, бормотала Мира, когда он завел ее уже по пояс.

Но он был глух. Глух ко всему, кроме шепота в своей голове и восторженного «сссс…» Морвен. Он погрузил голову жены в ледяную пучину. Один раз. Два. Он чувствовал, как бьется ее тело в последних конвульсиях. Три. Тело обмякло, стало тяжелым и безвольным. Он отпустил. Отшвырнул бездыханное в набегающую волну, как выбрасывают мусор за борт. Морвен с торжествующим, пронзительным визгом, от которого сжалось бы сердце у любого живого существа, нырнула за даром. Ее мощный хвост взметнулся над водой, блеснул на миг в лунном свете как похоронный салют.

Элиас стоял по колено в ледяной воде, дрожа всем телом, но ликующий изнутри. Пустота заполнилась чем-то новым — ледяным, твердым, безразличным. Он сделал это! Он подарил ей все! Свой мир. Свою прошлую жизнь.

Теперь… теперь они будут счастливы. По-настоящему. Навсегда.

Морвен вернулась не сразу. Она вернулась, когда луна уже начала клониться к западу. Она была дика, прекрасна и невыразимо страшна. На ее чешуе и в волосах блестели крошки чего-то белого. Кораллы? Ракушки? Элиас не стал всматриваться. Ее смех звенел чистым, нечеловеческим безумием. Она обвила его руками-удавками, ее чешуйчатое, невероятно сильное тело прижалось к нему, ледяное и манящее, как сама смерть.

— Плывем, любимый! — прошелестела она, и в ее голосе была сладость смертного приговора, произнесенного с невероятной нежностью. — Плывем домой!

Она потянула его. Сначала за руку, потом обвившись вокруг. Глубже. Прочь от берега. От тусклого, одинокого света «Путеводного Ангела». Вода смывала с него последние, невидимые следы крови Миры, охлаждала пьяный жар в жилах, очищала его. Он плыл за ней, покорный, опьяненный своей окончательной жертвой и ее близостью.

Берег растворился во мраке, стал тонкой, прерывистой линией, а потом исчез. Кругом была только вода. Бескрайняя, черная, бездонная. И они нырнули вниз. Давление нарастало, сжимая грудную клетку. В ушах зазвенело. Свет луны, пробивавшийся сквозь толщу, стал слабым, зеленоватым, призрачным.

И тогда она остановилась. Они зависли в толще, в полной, почти осязаемой темноте. Она медленно повернулась к нему. Лунный свет, едва достигший их, выхватывал лишь осколки ее лица: изгиб челюсти, скулу, край огромного глаза. Черные глаза смотрели на него. Но в них не было и тени той страсти, того обещания вечности. Не было даже игры. Не было ничего, кроме того, что было там с самого начала.

Голод.

Древний. Ненасытный. Голод глубин, для которого любовь, преданность, жертва — всего лишь приправы к пище.

— Мало… — прошелестел голос прямо в его заложенные водой уши и в каждую клетку тела.

Ее рот, тот самый, что когда-то шептал ему сладкие безумства, растянулся в улыбке. Широкая, неестественная. Он увидел зубы. Ряды мелких, острых, идеально белых зубов, острых как иглы морского ежа и расположенных так же плотно.

— Всех твоих подарков мало, Элиас. Хочу тебя. Тебя самого. Целиком. Без остатка.

Ужас, чистый, кристальный, леденящий, наконец прорвал последнюю завесу безумия, опьянения и самообмана. Он понял. Понял все. Он был не возлюбленным. Он был лишь очередным смотрителем, и теперь его служба подошла к концу. Маяк погас. И море забирало свое. Но было поздно. Так поздно, что даже мысль о сопротивлении казалась смешна.

Ее руки, казавшиеся такими нежными в своих скользящих прикосновениях, сжались с силой стальных тросов лебедки. Они не обнимали — они захватывали добычу. Она притянула его к себе с неумолимой силой течения. Холодный, скользкий, лишенный губ щелевидный рот прильнул к его губам.

Это не был поцелуй.

Это было начало трапезы.

Первый укус.

Зубы вонзились в его нижнюю губу, прошили ее насквозь. Боль вспыхнула ослепительно — чудовищная, ослепительная, огненная, невозможная в этой ледяной воде. Он захлебнулся — соленой водой, собственной кровью, утопленным криком. Он попытался биться, вырваться: инстинкты, похороненные так глубоко, вдруг забили в набат. Но ее хвост, мощный и гибкий, уже опутал его ноги, стянул их, как смертоносный канат. Другая пара конечностей, о которых он раньше лишь догадывался — маленькие, цепкие лапки, скрытые у нее под ребрами, — вынырнула из складок тела и впилась ему в спину, пригвоздив к ней.

Морвен пожирала его живьем. Неторопливо, методично, с упоением. Ее челюсти работали, как совершенные механизмы, разрывая мышцы, дробя мелкие кости, отделяя мясо от

сухожилий. Вода вокруг них, и без того черная, стала густой, багровой, непрозрачной. Элиас, в агонии, видел, как его собственная рука исчезает в ее растягивающейся, как у змеи, пасти. Не было больше ни мыслей, ни воспоминаний. Только сенсорный кошмар: хруст, бульканье, невыразимая боль, холод, проникающий внутрь, и эти черные, безразличные очи, смотрящие на него в упор, пока он исчезает в них.

Последним, что он осознал, прежде чем тьма поглотила его навсегда, был звук. Не крик, не мысль. Звук. Яркий, отчетливый, резонирующий в его собственном черепе.

Хруст. Хруст его собственной плечевой кости, ломающейся под жерновами ее челюстей, как сухая ветка.

Морвен не оставила ничего. Ни клочка плоти, ни обрывка одежды. Она была аккуратна и методична. Даже кости, те, что были слишком велики, чтобы проглотить сразу, она не бросила. Она собрала их в своих мощных руках и перетерла одну о другую с тихим, удовлетворенным урчанием. Кости рассыпались, превращаясь в мельчайшую белую пыль, неотличимую от измельченного ракушечника или морского мела.

Утром, когда шторм снова налетел на залив, пена, взбитая волнами, была особенно густой и белой. Один особенно высокий вал поднял эту пену и прибил ее к черным камням у самого подножия маяка. На мгновение белизна облепила основание башни. Потом волна отхлынула, унося все обратно в пучину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.